

Title	Продразверстка А. А. Риттиха
Author(s)	Мацузато, Кимитака
Citation	Acta Slavica Iaponica, 13, 167-183
Issue Date	1995
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/8082
Type	departmental bulletin paper
File Information	KJ00000034047.pdf

Продразверстка А. А. Риттиха

Кимитака Мацузато

1. Постановка проблемы

Продразверстка, введенная министром земледелия А. А. Риттихом в конце 1916 года, была последним шагом царского правительства, предпринятым для своего выживания. С применением новой заготовительной политики правительство было намерено перейти от реквизиционного, а именно псевдокоммерческого, единоличного, но произвольного способа к принудительному, зато равномерно распределяющему бремя среди всего населения способу. Несмотря на важность этой политики, историки до сих пор не давали тщательного ее анализа, считая бесспорной ее малоуспешность. Историки часто указывают на такие факты: во-первых, низовые инстанции, в частности земства, сократили норму заготовки хлеба, заданную сверху. В результате, на уровне селений поставка хлеба через разверстку была ничтожной (А. Л. Сидоров,¹ А. М. Анфимов,² Т. М. Китанина³). Во-вторых, разверстка была объявлена только для обеспечения нужд армии и предприятий, работающих на оборону, что поставило мирное население в безвыходное положение (В. С. Дякин⁴). В-третьих, разверстка сопровождалась льготной оплатой на привоз хлеба на железнодорожную станцию и пристань. Уступка такого рода подорвала в глазах крестьян непоколебимость твердых цен на хлеб, что побудило среди них спекулятивные настроения (Сидоров,⁵ Дякин⁶).

Очевидно, историки повторяют отрицательное мнение о продразверстке, высказанное либералами того времени. Однако, накануне февральской революции либералы вряд ли объективно относились к данной заготовительной политике правительства, хотя сами не отрицали необходимости каких-либо принудительных мер. Беда риттиховской продразверстки в том, что она, в глазах народа, неизбежно была связана с общим политическим положением протопоповщины.

В отличие от продразверстки царского правительства, продразверстка большевиков вызвала больший интерес у историков. По мнению Е. Г. Гимпельсона, разверстка во время военного коммунизма сложилась из-за неудачи товарообмена, обреченной по причине отсутствия условий эквивалентного обмена между городом и деревней. Поэтому, при разверстке “излишки” сельскохозяйственных продуктов определялись не статистическими данными, а потребностью государства.⁷ А. Л. Аврех, критикуя Гимпельсона, отрицает “перелом” в начале 1919 года, то есть в момент общегосударственного принятия разверстки, так как “в 1918 году элементы разверсточного обложения были распространены повсеместно — где не было подворного учета.”⁸ Контрастную с Аврехом критику Гимпельсону представляет американский историк Л. Т. Лий. По его мнению, ввиду обострения гражданской войны и малоразвитости организационного способа местных Советов, большевики вынуждены были “отступить” от “продовольственной диктатуры,” приняв продразверстку, основанную на “коллективной ответственности” сельских обществ.⁹ Ю. К. Стрижков тщательно исследовал ход формирования политики продразверстки во второй половине

1918 года.¹⁰ Перечисленные работы, несмотря на контрасты в оценке политических мотивов введения продразверстки, имеют общие моменты. Во-первых, сущностью продразверстки является неэквивалентный обмен между городом и деревней. Во-вторых, продразверстка формировалась на основе местной практики. В-третьих, она возникла от неудачи учета, иначе говоря, от необходимости упростить определение излишков продуктов. Такая характеристика происхождения разверстки, по нашему мнению, приемлема и для риттиховской разверстки.

2. Количественные результаты продразверстки

А. М. Анфимов сделал вывод о неудаче риттиховской продразверстки на основе данных в телеграмме от ставки главнокомандующего от 17 февраля 1917 года. По этой телеграмме, из 772 млн. пудов хлеба, назначенного министерством земледелия (МЗ), было разверстано губернскими земствами 699 млн. пудов, уездными земствами 264 млн. пудов, и волостями 34 млн. пудов.¹¹ Однако, эти цифры, очевидно, не отражают достижения разверстки во время, указанное в телеграмме, а относятся, по-видимому, примерно к середине января.

Работы А. Л. Сидорова и Т. М. Китаниной базируются на более объективном расчете, проведенном продовольственным деятелем временного правительства Е. Яшновом. По его расчету, в 21 губерниях, где губернские земские управы согласились проводить разверстку хлеба, из предложенного министерством земледелия количества в 506.5 млн. пудов, на уровне селений было разверстано максимум 100 млн. пудов хлеба.¹² Отметим, что количество в 100 млн. пудов, как результат разверстки за два с половиной месяца, не мало, имея в виду, что оно равняется одной трети количества годичной заготовки 1914–15 кампании, и пятой части 1915–16 кампании. Тем не менее, оно означает только “разверстанное” количество, а действительно выкупленное, тем более, полученное количество должно было быть гораздо меньше. Таким образом, на первый взгляд, отрицательное мнение о результатах продразверстки кажется вполне обоснованным цифровыми данными.

Однако, в корне бессмысленно оценивать успешность продразверстки по снижению нормы заготовки, сделанному низовыми инстанциями. Чуть ли не фантастической была сама норма, заданная интендантством в количестве 772 млн. пудов хлеба только для обороны, так как она в полтора раза превысила количество всех правительственных заготовок хлеба как для армии, так и для населения в предыдущем году. Современникам было известно, что само интендантство задало такое количество не как научно рассчитанный минимум, а как способ психологического давления на заготовителей в тылу. Поэтому сокращение нормы, сделанное заготовителями, в частности, на уровне губернских земств, не всегда означало их халатность, а наоборот, часто отражала патриотическую ответственность за успех заготовки. Нельзя забывать, что хотя до лета 1917 года привоз продовольствия на фронт колебался примерно между 20–40 процентов “нормы,” но русская армия была обеспечена, в принципе, нормально. Следовательно, если историки хотят доказать крах царской заготовительной политики, то справедливее критиковать низкий интеллектуальный уровень русской армии, не понимающей значения сохранить производительные силы в тылу, и отсутствие в государственных учреждениях механизма координации интересов

фронта и тыла, чем критиковать скидку раскладок земствами.

Бесполезность традиционного критерия оценки продразверстки становится еще ярче, если мы имеем ввиду результаты правительственных заготовок *в целом*. Нам известен расчет, проведенный Н. Д. Кондратьевым.¹³ Однако, сопоставив таблицу Кондратьева с материалом МЗ, представленным на заседание Государственной думы,¹⁴ мы увидим неточность первого. Кондратьев, приняв при расчете результатов кампаний 1914–15 и 1915–16 заготовительных годов количество *выкупленных* продуктов, почему-то принял при расчете результатов заготовки с августа по ноябрь 1916 года, по-видимому, количество *полученных* продуктов. В результате,

〈таблица 1〉 Ход заготовки продуктов для армии уполномоченными министерства земледелия в 1915–16 и 1916–17 заготовительных кампаниях.
(в тысячах пудов)

	С 1 августа по 30 ноября 1915 года		С 1 августа по 15 ноября 1916 года	
	выкуплено	получено	выкуплено	получено
рожь, пшеница и мука из них	44.696	18.279	101.071	41.267
овес, ячмень	93.531	47.449	107.539	50.838
итого	138.227	65.728	208.610	92.105

	С 1 декабря 1915 по 28 февраля 1916		С 16 ноября 1916 по 27 февраля 1917	
	выкуплено	получено	выкуплено	получено
рожь, пшеница и мука из них	75.820	57.151	90.290	88.973
овес, ячмень	63.831	79.284	57.694	65.060
итого	139.651	136.435	147.984	154.033

	С 1 августа 1915 по 28 февраля 1916		С 1 августа 1916 по 27 февраля 1917	
	выкуплено	получено	выкуплено	получено
рожь, пшеница и мука из них	120.516	75.430	191.361	130.240
овес, ячмень	157.362	126.733	165.233	115.898
итого	277.878	202.163	356.594	246.138

Таблица составлена на данных: ЦГИА СССР, ф.457, оп.1, д.78, лл.62–65; ЦГВИА СССР, ф.499, оп.3, д.1718, лл.7–10. Подсчет автором.

Кондратьев преувеличил кризис заготовки хлеба осенью 1916 года и, с другой стороны, положительный эффект продрозверстки.

По нашему расчету, получается результат, приведенный в таблице №1. Периодизация в таблице приблизительно совпадает с переменной способа заготовки, а именно:

Первый период 1915-16 кампании	—	торговый способ
Второй период той же кампании	—	твердые цены для правительственной закупки хлеба
Первый период 1916-17 кампании	—	твердые цены для всех хлебных сделок
Второй период той же кампании	—	разверстание норм заготовки

Более всего бросается в глаза тот факт, что выкупленное и полученное количества хлеба с августа по ноябрь 1916 года, т. е. в так называемый самый критический период после расширения твердых цен на все хлебные сделки, почти в полтора раза превысили подобные количества предшествующего года. Об этом упомянул сам Риттих. Что касается 1915-16 кампании, то темп закупки сохранился после декабря. Если учесть сезонные факторы, это говорит о существенном улучшении закупочной деятельности. Замечен стимулирующий эффект правительственных твердых цен. В тот же период 1916-17 заготовительного года темп закупок снизился. Отсюда же можно сказать, что продрозверстка не могла преодолеть препятствий в закупках, возникших по причине инфляции. Что касается полученного количества продуктов, то и в кампании 1915-16 годов и 1916-17 годов ход получения резко ускорился, хотя прирост получения продуктов в последний год был скромнее. Кроме экономических и сезонных факторов (разница во времени покупки и привоза, конец осеннего бездорожья и т. д.) в обоих случаях сказались введение нового способа заготовки. Заметно, что эффект продрозверстки, связанной с льготами на привоз, ярче проявился в получении чем в закупке хлеба.

Заготовленное количество хлеба через разверстку было незначительно, но заготовка в целом ускорилась. Здесь нет парадокса потому, что сам Риттих предложил продрозверстку в качестве “психологического толчка” *существующей заготовительной организации*, а не в качестве кое-какой совокупной системы, могущей заменить ее.

3. Истоки продрозверстки

Ошибка историков в том, что они считают продрозверстку выдумкой Риттиха. На самом деле, идея соединения систем натуральной повинности и военных заготовок имеет гораздо более древние корни, чем действовавшая система в России во время первой мировой войны, т. е. общественная закупка хлеба с участием земств и кооперативов.

По энциклопедии Брокгауза и Ефрона, натуральной повинностью является непосредственное, т. е. без применения денежных средств, требование государства от граждан их личного труда или принадлежащих им предметов потребления и пользования. В ходе развития современной государственной финансовой системы

натуральная повинность потеряла прежнее значение. Известно, что одним из важнейших звеньев финансовой реформы Тюрго являлось упразднение дорожной повинности.¹⁵ Однако, что касается военных действий, то, учитывая неотложность приобретения ресурсов и присущее им нравственное стремление уравнивать среди населения нагрузки, значение повинности не уменьшалось, а даже увеличилось по мере расширения масштаба войн. Опыт прусско-французской войны показал неприспособленность подрядной системы, приведшей к спекуляции и беспорядку тыловой экономики.¹⁶ Интендантские стратеги обращали все более и более внимание на неденежную форму мобилизации национальных ресурсов. Накануне первой мировой войны в таких странах как Франция, Германия, и Австро-Венгрия уже практиковалась система военно-продовольственной повинности. Общим этих стран являлась важная роль местного и крестьянского самоуправления при разверстании поставок. Применение систем военно-продовольственной повинности балканскими государствами во время войны с Турцией 1912 года оказало большое влияние на страны Европы, обсуждающие мероприятия по тотальной мобилизации.¹⁷

Типичной повинностью дореволюционной России являлась сельская хлебозапасная система для помощи пострадавшим от неурожая. Во время русско-японской войны министерство внутренних дел (МВД) предложило 12 губернаторам центрально-черноземного, приволжского и уральского регионов обсудить вопрос о возможности поставки сельских хлебных запасов интендантству. МВД не получало ни одного положительного ответа. Губернаторы аргументировали: во-первых, плохое качество крестьянского запасного хлеба, исходявшее из способа повинности при взносе, во-вторых, невозможность перевозки хлеба до железнодорожных станций от рассыпанных в обширном пространстве сельских магазинов, в-третьих, противоречие крестьянского мировоззрения с “космополитичным” характером дел заготовки хлеба для армии.¹⁸

Следует обратить внимание на то, что Саратовский губернатор тогда уже предложил прототип продразверстки. По его схеме, вначале губернское присутствие определяет по каждой волости количество хлеба для продажи военному министерству. Земские начальники распределяют назначенное для волостей количество хлеба между обществами. Цены за хлеб устанавливаются по соглашению с сельским обществом, о чем составляется на сходе приговор.¹⁹

После русско-японской войны, на фоне развития земско-кооперативного движения, само интендантство предпочло организовать “непосредственную покупку хлеба от производителей” с участием земств, а идея о военно-продовольственной повинности не конкретизировалась. Только накануне первой мировой войны главное интендантское управление (ГИУ), учитывая практику балканских войн, оформило проект положения о военно-продовольственной повинности, который был внесен на заседание совета министров (СМ) в сентябре 1913 года. Объяснительная записка к проекту охарактеризовала военно-продовольственную повинность как “возвращение к старой мысли, когда-то осуществляемой в московском государстве, об обязанности ‘земли’ кормить выставляемые ей войска.” С другой стороны, предлагая вполне простой организационный способ, записка отрицала необходимость производить тщательный учет продовольственных запасов у населения, “как это делается, например, во Франции,” так как, по мнению интендантства, “Россия весьма богата продовольственными

продуктами.”²⁰ Пока СМ обсуждал положение о военно-продовольственной повинности, началась первая мировая война. На 1 августа 1914 года СМ решил возложить полномочия по заготовке продовольствия для армии на главное управление землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) “обычным в торговле порядком.” В результате, вопрос о введении продовольственной повинности был отложен.²¹

Способ заготовок в России во время первой мировой войны развивался по пути традиционной интендантской теории. Вначале “театр военных действий” был юридически отделен от остальной части империи, там проводилась принудительная эксплуатация людских и материальных ресурсов. По истощении ресурсов данного региона, положением СМ от 17 февраля 1915 года за пределы театра военных действий распространился принудительный способ заготовки: твердые цены, реквизиция и запрет вывоза продуктов из определенных районов.²²

По истечении срока действия положения СМ от 17 февраля 1915 года, ГИУ потребовало заменить его системой военно-продовольственной повинности. Следует обратить внимание на довод, высказанный в докладе ГИУ, о предпочтительности повинности перед реквизицией: меньшие нарушения в торговых оборотах, моральные преимущества в силу равномерности бремени среди населения, самое широкое использование продовольственных ресурсов страны и, наконец, быстрота и плановость заготовки. В докладе говорилось, “народ наш свыкся с понятием о той или иной военной повинности и отождествляет это понятие с понятием об обязанности, о долге перед родиной в ее трудную годину.”²³

Несмотря на то, что ГИУ неоднократно требовало изменить способ заготовок, ГУЗиЗ, имевшее полномочия по заготовке продовольствия для армии, категорически отказывалось от этих требований. Например, в июне 1915 года главноуправляющий землеустройством и земледелием А. В. Кривошеин ответил главному интенданту Д. С. Шуваеву, во-первых, что реквизиция ныне применена только к спекулянтам, и поэтому население не проявляло отрицательного отношения к ней. Нарушение в торговых оборотах было бы серьезнее в случае введения продовольственной повинности. Во-вторых, так как проведение общегосударственной повинности гораздо сложнее, чем в случаях реквизиции, нельзя ожидать быстроты и плановости заготовки. В-третьих, земские деятели отрицательно относятся ко всякого рода натуральным повинностям, считая их нецивилизованным способом.²⁴

Отрицательное отношение ГУЗиЗ-МЗ к проекту ГИУ было вполне естественно. При отступлении из Галиции русская армия, в частности, ее интендантская организация, проявила крайнюю склонность к грабежам и равнодушие к защите тыловой экономики, что возбудило у гражданских чиновников отвращение к любому предложению со стороны армии, могущему бы усилить ее влияние на мобилизацию тыловых ресурсов. Кроме того, в 1914-15 и 1915-16 заготовительных годах норма заготовки хлеба была выполнена, в основном, экономическими способами, а реквизиция воздействовала на массу производителей хлеба только как угроза. Отсюда возникает вопрос: можно ли отрицать достоинства повинности при исчерпании благоприятных экономических условий и появлении необходимости массовых реквизиций. В самом деле, в России периода первой мировой войны серьезный конфликт между военной и гражданской властями по поводу способа заготовки не возник просто потому, что при появлении абсолютного дефицита тех или иных продуктов МЗ гибко приняло идею о

повинности, вначале относительно овса, потом мяса и, наконец, всех зерновых. Иначе говоря, поскольку считалось необходимым изъять определенное количество припасов от потребления мирного населения, идея повинности принималась как естественный выход.²⁵

4. Ход формирования продразверстки

Продразверстка уже практиковалась в некоторых местностях империи до ее общегосударственного принятия. Среди таких примеров наиболее важен опыт Вятской губернии. Во время русско-японской войны в Вятской губернии успешно практиковалась система, соединившая военную заготовку овса с его льготным возвратом сельским магазинам.²⁶ В начале первой мировой войны, как в большинстве губерний, и в Вятской губернии заготовка хлеба для армии была поручена председателю губернской земской управы. Однако, земства Вятской губернии не проявили должной активности по делам заготовки овса. С другой стороны, как в других губерниях, в Вятской губернии сельские сходы заключали приговоры о пожертвовании хлеба из сельских запасов. Вятский губернатор, стремившийся превзойти земства в делах военной мобилизации ресурсов, использовал такой подъем патриотизма с целью захвата полномочий по заготовке овса из рук земств. Он аргументировал это тем, что овес является продуктом, норму по заготовке которого достигнуть можно только посредством ограничения спроса на него мирного населения и, следовательно, овес не соответствует торговому способу заготовки. Кроме того, Вятская губерния, по его мнению, была особенно малоразвита в плане транспорта. Поэтому, чтобы заготовить овес в далеких от ссыпных пунктов районах, нужно использовать организацию крестьянской администрации и хлебозапасную систему, установив гужевую повинность.²⁷ Весной 1915 года ГУЗиЗ взяло полномочия по заготовке овса из рук земств и передало их губернатору.²⁸ В руках земств остались полномочия по заготовке других видов хлеба, подходящих торговому способу заготовки.

В ходе 1916-17 кампании Вятский губернатор, основываясь на опыте предшествующего года, предложил земским начальникам губернии обязывать каждого домохозяина поставить овес пропорционально засеянным десятинам. С этой целью, он приказал обсудить размеры раскладок хлеба на сельских и волостных сходах и выбрать волостные комитеты.²⁹ Подобные примеры обнаруживались и в других губерниях.

Риттиховская продразверстка формировалась, подобно продразверстке большевиков, на основе взаимодействия центральной и местных заготовительных организаций. Уже в конце сентября главноуполномоченный МЗ по закупке хлеба для армии А. Н. Неверов, в связи с увеличением наряда по требованию армии, предложил местным уполномоченным «немедленно выработать основания хлебной заготовки на иных началах.»³⁰ Однако, по-видимому, на данном этапе верхи МЗ имели в виду лишь «сплошную и планомерную реквизицию.» В начале октября под давлением со стороны военного министра министр земледелия А. А. Бобринский потребовал от уполномоченных срочно представить их соображения «о возможности описи запасов хлеба населения и принудительного их приобретения.»³¹ Среди 31 производящих земских губерний автор располагает ответами десяти уполномоченных. Кроме Тамбовского и Оренбу-

ргского уполномоченных, последние не давали положительного ответа на предложение принудительного приобретения.³² Ответив предложению Бобринского, в начале октября в Екатеринбурге было созвано региональное продовольственное совещание по Уралу и Западной Сибири. На этом совещании в качестве одного из мероприятий ускорения заготовки хлеба было предложено введение *после 1 декабря* реквизиции всех излишек хлеба и предупреждение населению про это. На заседании совещания, вместо принятия этой слишком “радикальной” резолюции, было принято постановление об проведении уполномоченными региона учета запасов хлеба *в срок до 1 декабря*.³³

В начале ноября Неверов еще более строго приказал уполномоченным “немедленно приступить к описи запасов,” а затем “к широкому сплошному приобретению хлеба у земледельцев и крестьян.”³⁴ Уфимский уполномоченный, удивленный этим, спросил, “имеет ли эта мера характер всеобщей повинности.” Неверов ответил, что она *не должна* иметь характера повинности и желательнее, использовав применение описи “как психологическое воздействие,” создать такое настроение, “чтобы население взяло на себя добровольно разверстку.”³⁵ Нам известны ответы 14 уполномоченных. Некоторые уполномоченные упомянули о замедлении хода описи или высказались против проведения описи ввиду того, что оно “вызовет необходимость сплошной организации больших расходов.” Однако, с другой стороны, некоторые уполномоченные упомянули о наблюдаемом психологическом эффекте описи, а именно усилении подвоза хлеба.³⁶

В октябре и ноябре массовые выступления против произвольного применения реквизиций приняли угрожающую остроту. Например, на 11 ноября Подольский губернатор сообщил Бобринскому о беспорядках, возникших в Могилевском уезде. В уезде на ярмарке районный заведывающий по закупке скота для армии, по причине отказа бывших на ярмарке продать скот по твердой цене, приказал приступить к реквизиции при помощи полицейских стражников. Рассерженные крестьяне начали палками разгонять скот и наносить оскорбления чинам полиции. Хотя Неверов категорично отказался от требования Подольского губернатора о неприменении реквизиций и проведении заготовок по рыночной цене в данной губернии,³⁷ конфликты такого рода не могли не оказывать влияние на суждения верхов МЗ. В ноябре Пермская губернская земская управа предложила волостным хозяйственным советам разверстать назначенное количество хлеба между населением, чтобы “*освободить* его (население) *от реквизиции*,” предполагаемой после сплошной описи запасов.³⁸

С другой стороны, в те же месяцы армия неоднократно требовала применения упрощенного порядка реквизиции. Под давлением армии юго-западного фронта Черниговский губернатор уже в начале октября попросил у Неверова разрешения упростить состав местных реквизиционных комиссий.³⁹ 19 ноября главный начальник “снабармии” юго-западного фронта повторил упомянутое требование.⁴⁰ Главнокомандующий данного фронта А. А. Брусилов послал только что вступившему в должность министру Риттиху телеграмму с угрозой приказать войскам приступить к самостоятельным заготовкам, “не считаясь с твердыми ценами.”⁴¹

Итак, верхам МЗ был предъявлен выбор: или провести сплошную реквизицию хлеба в упрощенном порядке, или применить хлебную повинность. Было очевидно катастрофическое последствие в том случае, если бы МЗ выбрало первый путь под давлением армии. Это означало бы полную ликвидацию системы, изложенной в

Постановлениях министра земледелия от 9 сентября и от 10 октября. Требовалось защитить сущность системы и приспособить ее к новому этапу, когда коммерческий способ заготовки почти потерял значение. Вот почему Риттих выбрал хлебную повинность. По иронии судьбы, при разъяснении продразверстки на заседании Государственной думы он повторил довод о ее предпочтительности, высказанный ГИУ и отвергнутый самым МЗ в предыдущем году: равномерность для населения хлебных поставок, отсутствие элементов случайности свойственных реквизиции, быстрое образование запасов и возможность заблаговременного составления плана железнодорожных перевозок.⁴²

5. Результаты продразверстки

На заседании думы Риттих объяснил значение продразверстки в чисто техническом плане. Однако, на самом деле введение продразверстки имело три цели. Прежде всего, в отношении с крестьянством создать атмосферу для добровольной продажи хлеба, не меняя установленные в сентябре твердые цены. Твердые цены нельзя было менять потому, что за этим последовал бы не только крах заготовительной политики, но и полный распад солидарности населения в тылу. При изменении твердых цен, потерпели бы большой ущерб производители, побужденные патриотизмом и продавшие хлеб осенью, а получили бы выгоду производители, предвидевшие изменение твердых цен и задержавшие хлеб.

Второй целью являлась борьба с местничеством заготовительных организаций — земств. Краеугольным камнем системы общественной закупки хлеба, установленной Постановлениями министра земледелия от 9 сентября и 10 октября 1916 года, являлась концентрация в руках местных уполномоченных прав на разрешение заготовок. Например, если торговцы или агенты потребляющих губерний производили закупку по ценам выше твердых, что с каждым днем становилось неизбежным из-за инфляции, уполномоченные имели право запретить вывоз хлеба из своей губернии. Предпосылкой таких полномочий являлось то, что уполномоченные производящих губерний имели бы общегосударственную точку зрения и производили бы заготовку не только для армии но и для населения потребляющих губерний. Однако, осенью 1916 года уполномоченные и земства производящих губерний, в силу инфляции и распада авторитета центральной власти, усилили местнические настроения и использовали право запрета вывоза для защиты “своих” хлебных избытков.

Третьей целью являлось преодоление различных препятствий, возникших от *быстрого расширения* правительственно-земской заготовки хлеба: перегрузка железной дороги, нехватка топлива в мукомольной промышленности, нехватка мешков и т. д. Иначе говоря, нужно было технически приспособить перевозную и мукомольную систему страны к новому этапу огосударствления хлебной торговли. Для успешного разрешения этой задачи представлялось удобным накапливать через разверстку определенное количество хлеба при железнодорожных станциях.

Что касается влияния продразверстки на крестьянство, то мы располагаем только фрагментальными материалами. Анализ автором материалов по результатам продразверстки, сохраненных в ЦГИА СССР, ЦГАОР СССР, ЦГВИА СССР, государственных архивах Кировской, Пермской, Свердловской, Тамбовской,

Харьковской, Самарской областей и Башкирской республики провел к выводу, что утверждение А. М. Анфимова о том, что “отказы от разверстки носили исключительно массовой и повсеместной характер”⁴³ — неверно. Однако, тут отметим только основную проблематику по этой проблеме.

Во-первых, в Оренбургской, Волынской, Воронежской и Тамбовской губерниях наблюдались примеры, что отказ от разверстки на сельских сходах сопровождался приговором о готовности “добровольно” поставить “излишки” хлеба уполномоченному, чем, в известной степени, объясняется ускорение заготовки хлеба во время разверстания раскладок.⁴⁴

Во-вторых, характерно для Постановления министра земледелия от 29 ноября 1916 было то, что в нем отсутствовало правило по способам разверстания раскладок на уровне волостей и селений. Либералы, придерживавши Постановления министра земледелия от 10 октября, стремились соединить продразверстку с государственной монополией хлеба. Поэтому, поголовное и подесятинное разверстания без точного учета излишек хлеба каждого хозяйства считались показателем неудачи продразверстки. Однако, в ходе разверстания норм спонтанно проявилась сущность продразверстки, то есть упрощение способа определения излишек через поручение данной задачи общинам. Значит, на волостных и сельских сходах подесятинное и поголовное разверстания оказались преобладающими. Воздержавши от такой тенденции, например, Уфимские земства старались связать разверстку с учетом излишек хлеба. Однако, волостные и сельские комитеты были бессильны перед укрывательством крестьян. Возбуждались массовые жалобы на несправедливость разверстки. В конце концов, Уфимским земствам пришлось проверять деятельность самых волостных и сельских комитетов, используя агрономов и прочих земских служащих.⁴⁵ Таким образом, попытки соединения продразверстки с государственной монополией хлеба неизбежно сталкивались с малоразвитостью крестьянских административных организаций.

В-третьих, нужно проанализировать связь разверстки с моментами принуждения. Нашим анализом архивных материалов подтверждено, что примеры использования насилия и физической угрозы при разверстании хлебных норм были крайне редки. Однако, ожидается справедливое сомнение читателей на основную идею автора: разверстка противостоялась реквизиции. Может быть это было так при формировании данной политики, но как получилось при ее исполнении? В самом деле, в умах местных заготовителей наверное не отличалось понятие разверстки от реквизиции. При задержке разверстки снова во многих губерниях обсуждалось применение сплошной реквизиции. Однако, тут важно, что при данном этапе распада государственной власти сами заявления о принудительном приобретении хлеба воздействовали на население только в качестве психологического давления.

По сравнению с задачей стимулирования продажи крестьянами хлеба, борьба с местничеством земств потерпела более видный провал. Во-первых, увеличение наряда заготовки сопровождалось бесконечными ссорами между МЗ и земствами. Они по разному толковали данные всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. Повторная опись давала земствам самостоятельный источник информации. Важно не то, что земства настаивали на уменьшении наряда, а то, что бесконечный спор между центром и регионами привел к исчезновению единого руководства в военно-

заготовительной организации России.

Во-вторых, введение хлебной повинности не могло не сопровождаться усилением самоблокирования земств. Одновременно с введением разверстки Риттих, чтобы облегчить подготовку к рождеству, отменил по всем гражданским губерниям запрет на вывоз некоторых продуктов.⁴⁶ Хотя эти мероприятия были заявлены как временные, намерения верхов МЗ были очевидны: повинностью обеспечив армию, смягчить продовольственный кризис среди мирного населения отступлением к свободной торговле. Однако, даже эти временные мероприятия вызвали бурные протесты со стороны земств,⁴⁷ так как совпадавшее со временем учета хлебных запасов разрешение вывоза послужило толчком спекулятивного усиления вывоза хлеба. Не дождавшись до конца срока МЗ разрешило некоторым уполномоченным снова закрыть границу. Тамбовский уполномоченный заявил, что наряд выполним «лишь при условии, что ни один пуд хлеба не будет продан помимо уполномоченного.»⁴⁸

Во многом невыполнение третьей задачи, то есть реорганизации хлебной торговли, объясняется усилением местничества земств. Например, местные заготовительные организации стремились вывезти хлебные продукты по возможности мукой (а не зерном) для того, чтобы максимально использовать производительность мельниц своей губернии, что помешало рациональному использованию мукомольной промышленности страны. С другой стороны, намерения МЗ по поводу повсеместного накопления запасов для преодоления технических препятствий побудило справедливую критику со стороны земств, так как наряды, игнорирующие технические условия, разрушали местную транспортную и мукомольную систему. Продовольственный деятель Тамбовской губернии, агроном Н. Бобынин заявил, что назначения нарядов сверх пределов, определяемых пропускной способностью железных дорог, наличием складских помещений и производительностью мукомолов «остаются лишь на бумаге.»⁴⁹

Тем не менее, эффект разверстки в плане огосударствления хлебной торговли России был бы другим, если бы не было топливного кризиса, начавшегося в январе 1917 года. Возник порочный круг дефицита топлива и сокращения жерезнодорожных перевозок. Во время Февральской революции, например, при станциях железных дорог Воронежской губернии лежало около пяти с половиной миллионов пудов хлеба.⁵⁰

6. Динамика заготовки хлеба по каждой губернии

К сожалению, автор не располагает цифрами заготовок по каждой губернии непосредственно перед введением продразверстки. Однако, при вступлении А. А. Риттиха в должность министра земледелия МЗ группировало губернии по результатам заготовки. Сопоставив эту группировку с окончательными достижениями губернских заготовительных организаций в конце февраля 1917 года, можно представить общую динамику заготовительной деятельности по каждой губернии в ходе разверстания раскладок хлеба. По нашему расчету, получается результат, приведенный в таблице №2.

Тогдашние либералы критически заявили, что раскладки хлеба не отражали реальные излишки губерний и, благодаря этому, на одни губернии были наложены непосильные обязанности, тогда как в других оставались избытки хлеба. Такое обстоятельство заметно и из таблицы №2. Однако, расхождение норм поставок с

〈таблица 2〉 Ход заготовки по каждой губернии во время разверстания раскладок хлеба (с конца ноября по 27 февраля 1917) (в пудах)

губерния	рожь и мука из неё			пшеница и мука из неё		
	выкупленное количество с 1 августа 1916 по 27 февраля 1917	разверстанное количество министерством земледелия	% выкупл. к разверстанному	выкупленное количество с 1 августа 1916 по 27 февраля 1917	разверстанное количество министерством земледелия	% выкупл. к разверстанному
〈группа А〉						
Пермская	279.783	983.000	28%	191.545	—	—
Уфимская	9.614.570	23.432.000	41%	7.000	—	—
Саратовская	12.648.183	26.807.200	47%	2.979.216	3.779.200	79%
*Самарская	3.160.393	12.233.400	26%	6.125.185	18.348.600	33%
Тамбовская	16.562.434	24.591.700	67%	391.222	—	—
*Полтавская	6.963.946	24.435.300	28%	1.154.455	13.463.200	9%
〈группа Б〉						
Вятская	2.156.081	12.094.000	18%	—	—	—
Казанская	3.070.092	20.843.000	15%	—	—	—
Нижегородск.	817.344	1.000.000	82%	4.500	—	—
Орловская	2.928.590	14.875.900	20%	—	—	—
Черниговская	180.056	—	—	2.862	—	—
*Бессарабская	1.919.552	3.423.800	56%	6.465.950	13.109.200	49%
Оренбургская	11.923	—	—	603.558	12.047.000	5%
〈группа В〉						
Симбирская	1.344.092	5.936.900	23%	655.702	—	—
*Пензенская	3.913.030	3.858.900	101%	110.000	—	—
Тульская	3.038.628	7.241.300	42%	23.800	—	—
*Рязанская	1.041.232	—	—	—	—	—
Воронежская	6.349.629	36.470.200	17%	777.337	3.882.000	20%
Курская	3.525.378	4.032.700	87%	1.290.462	1.750.200	74%
Харьковская	1.267.380	3.720.100	34%	2.713.269	6.413.500	42%
Киевская	104.200	9.345.900	1%	4.333.140	11.693.400	37%
〈группа Г〉						
*Подольская	860.486	13.168.000	7%	9.071.003	8.541.000	106%
Таврическая	3.116.079	—	—	12.999.660	47.991.200	27%
*Херсонская	5.782.326	8.426.800	69%	5.682.539	18.333.000	31%

* губернии, отказавшиеся от применения разверстки.

группа А: губернии, заготовительная деятельность которых оценилась министерством земледелия удовлетворительной в конце ноября 1916 года.

группа Б: губернии, по той же оценке, были неудовлетворительными.

группа В: губернии, по той же оценке, были критическими.

группа Г: неизвестно, как МЗ оценило их в конце ноября 1916 года.

Таблица составлена автором на данных: ЦГИА СССР, ф.456, оп.1, д.110, лл.80–97; там же, д.157, лл.23, 24 и 25; ЦГВИА СССР, ф.499, оп.3, д.1718, лл.7–10; А. Л. Сидоров, *Экономическое положение России в годы первой мировой войны* (М.1973), стр.489.

действительностью имело определенную закономерность. Суть определения верхами МЗ излишков по губернии заключалась в том, что они, основываясь на буквальном толковании Постановлений министра земледелия от 9 сентября и 10 октября, рассчитали излишки на нереальной предпосылке, что вывоз хлеба из губерний полностью регистрировался уполномоченными. В силу небывалого подъема спекулятивных настроений среди населения осенью 1916 года, вызвавшего гужевые и нерегистрированные железнодорожные перевозки, эта нереальная предпосылка стала самым серьезным спорным моментом между МЗ и уполномоченными. Благодаря этой предпосылке, разверстанные количества оказались тяжелее губерниям, испытывавшим особенно большой нерегистрированный вывоз хлеба, а именно: 1) губерниям, находящимся на периферии общенационального хлебного рынка и 2) большим производящим губерниям, примыкающим к потребляющим или мукомольным центрам. По сравнению с нарядами, заданными в сентябре 1916 года, нормы разверстки особенно резко увеличились по Вятской, Уфимской, Казанской, Орловской, Воронежской, Полтавской, Таврической и Херсонской губерниям, что подтверждает указанное выше обстоятельство. Земства губерний, принадлежавших к второй группе, а именно Казанское, Орловское и Воронежское, крайне негативно встретили продразверстку и не могли восстановить заготовительную деятельность. В конце концов, можно предполагать, что разверстка тяжелее всех других отражалась на продовольственных делах периферийных губерний.

К сожалению, автор не располагает данными по заготовке овса, и поэтому значение и динамика заготовок уральских губерний из таблицы не видны. По данным 17 февраля 1917 года Пермская заготовительная организация закупила 1.132.800 пудов овса и ячменя в итоге в то время, когда разверстанное количество только овса на губернию было 17.273.900 пудов. Вятская организация закупила 6.427.000 пудов овса и ячменя против разверстанного по овсу 18.523.500 пудов, а Уфимская — 6.631.289 пудов против 24.004.900 пудов.⁵¹ Можно предполагать, что ход заготовок Вятской и Уфимской губерний был удовлетворителен, тогда как в Пермской губернии возник кризис. Однако, такой вывод не совпадает с мнением современников событий. Пермские земства до конца считались образцом заготовки. В декабре 1916 года правительство предложило уполномоченному по губернии Е. Д. Калугину принять обязанности уполномоченного и по западной Сибири,⁵² признав банкротство заготовительных организаций губернаторов Сибири. Как указано выше, Пермские земства уже в ноябре самостоятельно принимали разверстание поставок. Это давало основу для оптимистических прогнозов о безболезненном переходе к новому способу заготовки при предложении Риттихом разверстки.⁵³ По Пермской губернии нужен более тщательный анализ.

Очевидно, что достижения заготовок в конце ноября отражали мощность земско-кооперативного движения данной губернии. Не заметна прямая связь между применением (или отказом) разверстки и достижениями этого земства по заготовке в хлеба в период разверстания. Например, Бессарабское, Пензенское, Подольское и Херсонское губернские земства сохранили прежний порядок и достигли неплохих результатов в то же время, когда Самарское, Полтавское и Рязанское губернские земства, отказавшись от разверстки, ухудшили свои позиции в межгубернском сравнении.

Заготовительная организация Рязанских земств распалась уже осенью 1916 года. Поэтому окончательные достижения в Рязанской губернии означают только, что попытки МЗ, принятые одновременно с введением разверстки для восстановления губернской заготовительной организации, не имели успехов.⁵⁴

Самарская заготовительная организация на протяжении всей войны проводила постепенную реорганизацию. В начале войны ГУЗиЗ было намерено, уполномочив крупного мукомола В. Н. Башкирова, провести заготовку по целому приволжскому региону с участием хлеботорговцев. Однако, уже в начале 1915–16 кампании на съезде уполномоченных был установлен принцип, что во избежание конкуренции уполномоченные проводят заготовку только в своей губернии.⁵⁵ Башкирову, подобно уполномоченному по Нижегородской губернии предпринимателю Д. В. Сироткину, пришлось реорганизоваться с помощью земств губернии по образцу обычных губерний, где уполномоченным был назначен председатель губернской земской управы. Насколько нам известно, реорганизация в Самарской губернии проходила успешно. Башкиров отрицал необходимость разверстки на основании, что в губернии ссыпные пункты работают довольно хорошо.⁵⁶

Причина “распада” заготовительной деятельности Полтавских земств тоже не ясна. Полтавское губернское земство дает типичный пример отказа от разверстки из-за уверенности в предпочтительности привычных мер, а именно реквизиции и самоблокирования губернии.⁵⁷ По Полтавской губернии нужен более тщательный анализ, что крайне трудно из-за уничтожения дореволюционных архивных материалов губернии во время второй мировой войны.

В целом, с конца ноября положение заготовки в Пермской, Самарской, Полтавской и Казанской губерниях ухудшилось, а в Нижегородской, Курской и Тульской — улучшилось. С точки зрения межрегионального динамизма, включая в виду заготовку овса, можно утверждать об удовлетворительном ходе заготовки в губерниях на Урале, левобережья Днепра, Новороссии и низовья Волги. Оставив в стороне примеры “кризиса” в Пермской, Полтавской и Самарской губерниях, невыяснимые в данной работе, можно заключить, что продразверстка не изменила тенденции, появившейся осенью 1916 года, а именно периферизации главных мест заготовки хлеба. Периферизация заготовки отражала географическое расположение сил земско-кооперативного движения в России. По этому поводу, заметно еще одно доказательство того, что продразверстка “покрыла” (а не заменила) земско-кооперативное движение, стремившееся к общественной реализации хлеба.

7. Заключение

Восприятие продразверстки было связано с протопоповщицей. Поэтому, в историографии она была обрисована как реакция движению общественной ссыпки хлеба, заключенной в Постановлении министра земледелия от 10 октября 1916. Однако, анализ административного процесса в данной работе привел к выводу, что продразверстка была предложена с целью *защитить* систему Постановления от 10 октября от давления армии, требовавшей применение сплошной реквизиции.

Натуральная повинность, составляющая основу практики крестьянского самоуправления не только при разверстании государственных, но и мирских обязанностей,

была укоренена в крестьянском мировоззрении. Неслучайно, что занимавшийся при службе в земском отделе МВД исследованием обычного права крестьян Риттих решил принять хлебную повинность. При экономическом положении в последние месяцы царизма любые нововведения в заготовительных мерах не могли бы избежать некоторого сопротивления со стороны крестьян. Критерий оценки нововведений нужно поставить на то, до какой степени они сдерживали проявление недовольства крестьян. Царизм в конце 1916 года должен был выбрать не между коммерческим способом и хлебной повинностью, а между сплошной реквизицией и хлебной повинностью. Небесполезно вообразить возможную реакцию крестьян в случае, если правительство выбрало бы путь сплошной реквизиции. Нельзя не иметь в виду, что царизм ускорил заготовку хлеба, в принципе, без применения оружия.

Разверстка являлась закономерным результатом малоразвитости административных средств в деревне. Когда Риттих гонял производящие губернии разверсткой, последнюю добровольно применяли такие земства потребляющих губерний, как Минское, Ярославское и Витебское.⁵⁸ В потребляющих губерниях закономерная пригодность разверстки в отношениях с крестьянами ярче проявилась потому, что тут, в отличие от производящих губерний, у разверстки не было других задач, а именно борьбы с земским самоблокированием. Даже при временном правительстве, которое официально отказалось от разверстки, например, в центрально-черноземных губерниях наблюдались случаи применения ее ири неудачах учета запасов хлеба.⁵⁹ Мы уже посмотрели спонтанное применение разверстки в 1918 году.

Можно хвалить продразверстку Риттиха за то, что она стимулировала продажу хлеба крестьянами без принятия оружия, а с другой стороны можно утвердить, что царизм потерял даже силу принять оружие. Однако, при оценке продразверстки Риттиха нельзя не сравнивать ее с государственной монополией хлеба при временном правительстве и товарообменом на начальном этапе советского правительства, потерпевшие оба мизерное банкротство. Вплоть до принятия продразверстки большевиками, любая заготовительная политика российского правительства не достигла уровня эффективности риттиховской продразверстки. Конечно, продразверстка большевиков не обходилась без оружия.

Примечания

- 1 А. Л. Сидоров, *Экономическое положение России в годы первой мировой войны* (М., 1973), стр.493.
- 2 А. М. Анфимов, *Крестьянское движение в России в годы первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1917)* (М. и Л., 1965), стр.27.
- 3 Т. М. Китанина, *Война, хлеб и революция: продовольственный вопрос в России, 1914 — октябрь 1917 г.* (Л., 1985), стр.262.
- 4 В. С. Дякин, *Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны: 1914–1917* (Л., 1967), стр.313.
- 5 Сидоров, *Указ. соч.*, стр.486.
- 6 Дякин, *Указ. соч.*, стр.313.
- 7 Е. Г. Гимпельсон, *Военный коммунизм — политика, практика, идеология* (М., 1973), стр.57–62.

- 8 А. Л. Аврех, "Партийные организации губерний черноземного центра в борьбе за хлеб в период иностранной военной интервенции и гражданской войны: 1918–1921 гг.," Дисс. канд. историч. наук (Тамбов, 1978), стр.11–12.
- 9 L. T. Lih, "Bolshevik Razverstka and War Communism," *Slavic Review*, Vol.45, No.4 (Winter 1986), pp.673–88.
- 10 Ю. К. Стрижков, "Из истории введения продовольственной разверстки," *Исторические записки*, т.71 (1962), стр.25–42.
- 11 Анфимов, *указ. соч.*, стр.27; ЦГИА СССР, ф.456, оп.1, Д.579, л.3.
- 12 Сидоров, *указ. соч.*, стр.493; Т.М.Китанина, *указ. соч.*, стр.262; *Известия по продовольственному делу*, №1(32) (май 1917), стр.10–11.
- 13 Н. Д. Кондратьев, *Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции* (М., 1922), стр.130.
- 14 ЦГИА СССР, ф.457, оп.1, д.78, лл.62–65.
- 15 *Энциклопедический словарь — Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон*, т.XXIV (1898), стр.4–5 и т.XX-A (1897), стр.687–91.
- 16 *Интендантский журнал*, №5 (1906), стр.3–4.
- 17 ЦГВИА СССР, ф.499, оп.3, д.1411, лл.139–40.
- 18 ЦГИА СССР, ф.1291, оп.130, д.55–1904г., лл.13–14, 44–45, 126–28, 202–3, 225–26 и 227.
- 19 Там же, лл.18–19.
- 20 ЦГВИА СССР, ф.499, оп.3, д.1411, лл.140–41.
- 21 Там же, л.26.
- 22 *Собрание узаконений и распоряжений правительства*, №64 (24 февраля 1915), ст.551.
- 23 ЦГВИА СССР, ф.499, оп.3, д.1411, лл.27–28 и 82.
- 24 ЦГИА СССР, ф.456, оп.1, д.109, лл.15–17.
- 25 *Обзор деятельности особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу, 17 августа 1915г.— 17 февраля 1916 г.* (СПб., 1916), стр.108; Государственный архив Харьковской области (ГАХО), ф.304, оп.1, д.2878, л.29.
- 26 ЦГИА СССР, ф.1291, оп.130, д.60–I–1904 г., лл.9–10 и 161–68.
- 27 Там же, ф.456, оп.1, д.196, лл.30, 43, 107, 129–30 и 161–62; Там же, д.198, лл. 8, 9–12 и 20; Государственный архив Кировской области (ГАКО), ф.650, оп.1, д.81, лл.8–11.
- 28 ЦГИА СССР, ф.456, оп.1, д.200, лл.6–9.
- 29 Там же, д.118, лл.38–40 и 41–42; ГАКО, ф.650, оп.1, д.86, лл.12–14, 15–16 и 31.
- 30 ЦГИА СССР, ф.456, оп.1, д.166, л.15.
- 31 Там же, д.156, л.99.
- 32 Там же, лл.114, 117, 118, 133–34, 136–37, 138, 160 и 161–64; ЦГВИА СССР, ф.499, оп.3, д.1640, л.146.
- 33 ГАКО, ф.728, оп.1, д.4, л.272.
- 34 ЦГИА СССР, ф.457, оп.1, д.18, л.15.
- 35 Там же, лл.8 и 15.
- 36 Там же, ф.456, оп.1, д.156, лл.272, 273, 274, 275 и 277; Там же, д.157, лл.1,

- 3, 5-6, 7-8, 9, 12, 13-14, 16, 17 и 18.
- 37 ЦГАОР СССР, ф.6809, оп.1, д.20, лл.49-50.
- 38 Государственный архив Пермской области, ф.43, оп.1, д.1482, лл.40-41.
- 39 ЦГИА СССР, ф.457, оп.1, д.18, лл.1-2, 4-6 и 14.
- 40 Там же, л.28.
- 41 Там же, д.78, л.46.
- 42 Там же, л.17.
- 43 Анфимов, *указ. соч.*, стр.27.
- 44 ЦГАОР СССР, ф.6809, оп.1, д.108, лл.34-35; ЦГИА СССР, ф.456, оп.1, д.116, л.50; Государственный архив Тамбовской области, ф.26, оп.4, д.2502, л.1; *Доклад Воронежской губернской земской управы Воронежскому губернскому земскому собранию по вопросу о разверстке зерновых хлебов, приобретаемых для потребностей, связанных с обороной* (Воронеж, 1917), стр.16-17.
- 45 Государственный архив Башкирской республики, ф.421, оп.1, д.118, л.82.
- 46 *Известия особого совещания по продовольствию*, №1(30)(1917), стр.12.
- 47 Например, см.: ГАХО, ф.304, оп.1, д.2878, л.126.
- 48 *Журналы Тамбовского чрезвычайного губернского земского собрания (4 января 1917)* (Тамбов, 1917), стр.37.
- 49 *Сельскохозяйственная жизнь (Издание Тамбовского сельскохозяйственного общества)*, №21-24 (1916), стр.270.
- 50 *Журналы Воронежского губернского земского собрания, очередной сессии 1916 г. (28 Февраля — 4 марта 1917 г.)*, стр.8.
- 51 ЦГИА СССР, ф.456, оп.1, д.110, лл.80-97; ЦГВИА СССР, ф.499, оп.3, д.1718, лл.7-10.
- 52 *Пермская земская неделя*, №52 (1916), стр.25.
- 53 ЦГИА СССР, ф.456, оп.1, д.134, л.71.
- 54 Там же, д.126, лл.47-50.
- 55 Там же, д.19, лл.117-18.
- 56 Там же, д.127, л.43.
- 57 *Экономическое положение России накануне великой октябрьской социалистической революции — документы и материалы*, ч.3 (Л., 1967), стр.176-77. Т. М. Китанина считает условия, заданные Полавским земством для проведения упомянутых мер только “оговорками” (*указ. соч.*, стр.260). Однако, позиция полтавских земств была более воинственной.
- 58 ЦГИА СССР, ф.456, оп.1, д.134, лл.1, 28 и 55.
- 59 Г. И. Писарев, “Хлебная монополия и продовольственные комитеты черноземного центра России в 1917 году,” Дисс. канд. историч. наук (М., 1984), стр.117.